

Истоки и траектория русского социализма

© Пыжиков А. В.

© Pyzhikov A.

Истоки и траектория русского социализма

Origins and trajectory of Russian Socialism

Аннотация. Статья посвящена проблеме утверждения социалистических учений на российской почве. Показано, что этот процесс не столько шел сверху, от интеллигенции, увлеченной теорией социализма, сколько определялся ментальностью широких народных слоев. Это обусловлено в первую очередь теми последствиями, которые сложились в обществе после религиозного раскола. Он стал причиной устойчивого формирования коллективистских, солидарных отношений, носителем которых выступила староверческая общность, так и не принявшая идеологии правящего класса.

Annotation. The article is devoted to the problem of Socialist ideas installation in Russian soil. The author shows that this process was initiated not so much by intellectuals infatuated by Socialists theories, as by the type of mentality of working mass, conditioned by social consequences of the Raskol movement. The Raskol became a cause of collectivist relations formation, promoted by Old Believers, who didn't receive the ruling class ideology.

Ключевые слова. Старообрядчество, староверие, большевизм, беспоповцы, православие, Сталин, Русская православная церковь, пролетариат, рабочий класс.

Key words. Raskol, Old Believers, Bolshevism, Bezpopovtsy, Orthodoxy, Stalin, Russian Orthodox Church, proletariat, working class.

Староверческая прокладка большевизма

Как уже говорилось, новизна нашей концепции состоит во взгляде на русского рабочего прежде всего как на продукт старообрядческой (преимущественно беспоповской) общности. Согласно этому подходу, большевистская партия, объявившая себя истинным выразителем пролетарских интересов, по сути ориентировалась главным образом на ту часть рабочих, которая сформировалась в конкретной религиозно-мировоззренческой среде.

Безусловно, вхождение в социал-демократическое движение не предполагало какой-либо конфессиональной идентификации; более того, обязательными были сугубо атеистические мотивы. Однако так же

ПЫЖИКОВ Александр Владимирович — ведущий научный сотрудник РАНХиГС, профессор, доктор исторических наук.

Окончание. Начало см. «Свободная Мысль». 2016. № 5.

верно и другое: в ту пору атеистами не рождались, а значит, представители народа несли в себе черты тех религиозно-психологических архетипов, которые закладывались на этапе личностного формирования и в дальнейшем определяли специфику личности. Как подметил один из лидеров II Интернационала Карл Каутский, значительной части русского пролетариата свойственна некая особая воодушевленность или, иначе говоря, революционная романтика. Рабочий в России, «с восторгом воспринимавший революционное мышление, ибо оно лишь ярче и отчетливее выражало то, что он сам смутно чувствовал и предугадывал» [67. С. 42], пребывал в ожидании грядущей справедливой жизни. Это заметно отличало его от американского и вообще западного пролетариата, который руководствовался исключительно прагматикой и духом здоровой политики, занимался лишь ближайшим и достижимым, не грезя о светлом будущем [36. С. 41].

Каутский метко подметил внешнюю сторону религиозного архетипа, настроенного на ожидание неминуемого царства справедливости или, иначе, «царства божьего на земле». Эта идея давно бродила среди староверов-беспоповцев, которые не связывали своих жизненных перспектив с буржуазными ценностями. Неудивительно, что кое-кто из них постепенно начал интересоваться взглядами большевиков, ратовавших за решительное разрушение старого мира. Следует учитывать и тот факт, что в организационном смысле беспоповские толки представляли собой весьма аморфную среду. Отношения между ними на религиозной почве были довольно враждебными: каждый считал свое согласие истинным, другие же — неполноценными; общей для всех являлась лишь ненависть к никонианскому государству и господствовавшей церкви. Однако этот пестрый беспоповский ландшафт постепенно обретал идейно-организационную платформу, где стали возможными объединительные тенденции. Такой внешней платформой и выступила большевистская партия.

В дореволюционные годы в большевистской партии преобладали представители национальных меньшинств, которых свела вместе ненависть к царской России. Кадров староверческого происхождения в большевистских рядах той поры насчитывалось совсем немного. Рабочие начали вступать в партию с 1905 г. Большинство из них были выходцами из староверческой (преимущественно пролетарской) среды — как, например, знаменитый Михаил Калинин, уроженец села Верхняя Троица Тверской губернии (район г. Кимры, известное старообрядческое место). Из воспоминаний его родной сестры видно, что их семья всегда старалась держаться подальше от господствующей церкви. Местный поп укорял отца будущего «президента» советского государства за то, что тот под разными предлогами годами уклоняется от посещения храма [35. С. 248—249]. Сам Калинин, будучи токарем на Путиловском заводе, вместе с другими рабочими отверг предложение администрации вносить один процент заработка на строительство церкви на территории предприятия [60. С. 212].

После революции, уже находясь на посту председателя ВЦИК, Калинин неизменно демонстрировал расположение к своему прошлому. Так,

писателю Ф. Гладкову (тех же конфессиональных корней) он советовал написать книгу о юности, о староверах — «непримиримых бунтарях», которые «упорно боролись с попами и полицией» [27. С. 210]. Художнику Н. Денисовскому рассказывал, как в молодости подолгу простаивал у картины Сурикова «Боярыня Морозова», «заряжаясь» протестным духом [29. С. 221—222]. В ходе поездок на родину Калинин наставлял своих земляков бережно хранить память о Михаиле Тверском, сложившем голову за родную Русь в борьбе против татар; выступал за розыски иконы этого князя предположительно кисти Андрея Рублева [63. С. 117—118]. Согласимся: эти сведения диссонируют с интеллигентским интернационализмом и атеизмом ленинской гвардии большевиков.

Вспомним и еще одного большевистского лидера, выходца из рабочей среды — бывшего слесаря, трудившегося на различных украинских заводах, Климента Ворошилова. Будущий известный деятель партии родился на берегу реки Северский Донец, однако украинцем он не был и таковым себя никогда не считал. Из мемуаров Ворошилова следует, что в эти места еще при Петре I после неудачного бунта против царских властей была отселена часть стрельцов с семьями. Между тем хорошо известно, именно эти круги придерживались старой веры и неоднократно выступали против никоновских новин. Ворошилов с восхищением пишет о тех бунтарях, головы которых... «торчали на крепостных стенах в разных местах Москвы» [18. С. 6—7]. Их потомки, принадлежность к которым он ясно чувствовал, бережно хранили русскую культуру, уклад жизни и традиции, разговаривали только на родном языке («женщины — прямо царевны из русских сказок») [18]. С коренным украинским населением эти выходцы из России так никогда и не смешались.

С особой гордостью пишет Ворошилов о восстании Кондратия Булавина: «Этот народный герой рос и набирался сил и стал ярым защитником бедноты на той же самой земле, где протекало и мое детство». Рассказывает он и о руководителях восстания, сведения о которых сохранились до наших дней; и действительно, среди перечисленных им фамилий в подавляющем большинстве значатся русские [18. С. 9—11]. Русские поселения находились на малопригодном для земледелия участке (потому здесь и не было украинских сел), прокормить эта почва не могла, и многие жители подавались за заработком на предприятия Донбасского региона. Там и начался революционный путь одного из будущих руководителей большевистской партии.

Однако в дореволюционные годы эти рабочие кадры оставались на партийной периферии. После победы Октябрьской революции партия, частью пребывавшая в эмиграции, а частью на полуподпольном положении, превратилась в правящую. Это обстоятельство изменило многое, однако реальный внутрипартийный вес тех, кто ранее составлял рабочую массу, возрос незначительно. Из рабочих один лишь А. Г. Шляпников в первом большевистском правительстве ненадолго получил пост министра труда; вскоре его сменил В. В. Шмит (немец по национальности). Все более или менее значимые государственные должности были распределены между интеллигентами и комитетчиками, наиболее

приспособленными, как считалось, к руководящей работе. В результате противоречия между ними и пролетарскими элементами, поспудно существовавшие всегда, начали выходить наружу. В новых условиях партийцы дореволюционного рабочего призыва не стали довольствоваться ролью статистов и предъявили претензии на кардинальный пересмотр своих позиций.

На политическую авансцену в качестве самостоятельной силы рабочие-коммунисты вышли сразу же по завершении Гражданской войны, когда решалось, кто будет определять хозяйственную жизнь страны. Этот известный эпизод 1920—1922 гг. связан с возникновением в партии «рабочей оппозиции» и «рабочей группы». Нельзя сказать, что исследователи проявляли большой интерес к этим событиям, тогда буквально потрясшим большевистские круги [65; 68]. Они рассматриваются лишь в качестве очередной из так называемых малых оппозиций, существовавших до оформления в конце 1923 г. троцкистского течения. По нашему же мнению, это далеко не проходное явление: ведь бунт в партийных рядах, повлекший за собой кризис «верхов», был инициирован не какой-либо интеллигентской группировкой, а как раз теми, кто неизменно провозглашался главной опорой новой власти. Тем более что «рабочая оппозиция» выросла из профсоюзов — массовой организации, на которую делала ставку немногочисленная партия.

Не случайно к разгону Учредительного собрания 5 января 1917 г. приурочили открытие Первого съезда профсоюзов, где присутствовали многие большевистские лидеры. Этот факт должен был символизировать, что лучшая часть России представлена именно на профсоюзном съезде, а не на только что разогнанном Учредительном собрании. Центральное место в системе профсоюзов принадлежало двум отраслевым союзам: металлистов и текстильщиков. В годы Гражданской войны в них числилась половина всех зарегистрированных членов движения, а другая была распылена между разрозненными мелкими союзами (пищевики, строители, швейники, печатники, торговые служащие и др.) [66. С. 102]. Именно профдвижение, а точнее — крупные индустриальные союзы внесли решающий вклад в победу Советской власти. Не будет преувеличением сказать, что победа в Гражданской войне во многом являлась их прямой заслугой. Рабочие профсоюзы не только участвовали в боевых действиях, но и «сколачивали» так называемые продотряды, занимавшиеся реквизицией хлеба.

Весьма показательна география их формирования, судя по которой, подавляющую часть этих подразделений дали промышленные регионы. Так, из действовавших 779 отрядов 78 состояли из рабочих Москвы, 67 — Петрограда, 94 — Московской губернии, 80 — Владимирской, 61 — Иваново-Вознесенской, 44 — Пермской, 41 — Тверской, 32 — Костромской, 32 — Нижегородской, 25 — Олонекской, 22 — Ярославской, 12 — из рабочих Архангельской губернии. Тогда как на долю Витебской, Тамбовской и Астраханской губерний приходилось лишь по 5 отрядов, Орловской — 4, Полтавской и Брянской — по 3, Гомельской — 1, Курской — 1 [48. С. 201—202]. Если посмотреть на эти данные с конфессиональных

позиций, то они зримо отражают противостояние северо-восточных (с сильным присутствием староверия) и юго-западных (с преобладанием никониан) регионов.

По окончании Гражданской войны вместе с восстановлением промышленности начался резкий рост пролетарских рядов. В литературе господствует мнение, что в середине 1920-х гг. эта задача решалась исключительно за счет крестьян, приехавших из деревни. Из-за этого может сложиться впечатление, что предприятия наполнялись случайными людьми с улицы. Однако здесь кроется большое заблуждение: восстановление рабочих кадров не было спонтанным, оно осуществлялось в рамках примерно той же трудовой парадигмы, что и в дореволюционный период, причем это зафиксировано в советских трудах. Наметившийся экономический подъем способствовал тому, что большое количество рабочих возвратилось на производство, возобновив работу после длительного перерыва. В 1922—1925 гг. численность таких кадров в общей массе составила: среди металлистов Питера — 82%, Москвы и области — 80%, Украины — 83%; среди текстильщиков Питера — 83%, Москвы и области, Иваново-Вознесенского района — около 90%; среди металлургов Украины — 78%, Урала — 80%; шахтеров Донбасса — 70%, Урала и Сибири — 74% [48. С. 257].

Также представляют интерес сведения о социальном происхождении тех, кто в описываемый период впервые приступил к работе в промышленности. Более половины этого контингента составляли выходцы из среды рабочих, а не деревенские элементы, не имевшие представления о жизни дальше соседних населенных пунктов. Так, среди новых металлистов Питера 55% являлись детьми и родственниками рабочих, 10% — выходцами из служащих и только 31% — детьми крестьян; среди новых металлистов Москвы и области дети рабочих составляли 52%, служащих — 8% и крестьян — 37%. Среди текстильщиков нового пополнения также преобладали дети рабочих: в Питере — 65%, в Москве — 58%, в Московской области — 64%, в Ивановском регионе — 61% [48. С. 258]. Это отражает стремление власти наполнить фабрично-заводские коллективы в первую очередь работниками, близкими к пролетарской среде. Как отмечалось на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.), кадры для развития промышленности рождаются на рабочих городских окраинах, в рабочих семьях [25. С. 832]. Аналогичный подход продолжал действовать и в последующие годы [41. С. 121—122].

Строго в соответствии с канонами марксизма большевики ставили пролетариат во главу угла строительства новой жизни, создавая таким образом опору своей власти. Однако это теоретически обоснованное действие вызвало последствия, которых не могла предположить промарксистски настроенная интеллигенция: восстановление рабочего класса происходило на базе размытой староверческой общности. Собственно, то же самое наблюдалось в российской промышленности и до революции, когда рабочий класс формировался во многом через доверительные сети староверов. «На удачу» в другие города ездили немногие; своеобразными каналами рабочего комплектования снизу продолжали

выступать землячества, державшиеся на ресурсах тех же староверческих согласий. Теперь, в 1920-х гг., эту функцию начала выполнять (уже сверху) Советская власть, не подозревая, что черпает пролетарские кадры из традиционного источника.

Паства никонианской церкви, утратившей статус господствующей, представители различных нерусских национальностей, как и прежде, не стремились принимать участие в крупном производстве. Ситуация изменилась лишь в 1930-х гг. с началом форсированной индустриализации, когда строящиеся заводы стали поглощать миллионы представителей самой разношерстной публики. Это явление запечатлено, например, в повести Ильи Эренбурга «День второй» о строительстве Кузнецкого металлургического комбината в Сибири [57. С. 162—175]. Впрочем, на деле все эти разнообразные массы легко «переваривал» устоявшийся пролетарский костяк с определенными жизненными принципами. В результате население страны не только социально «орабочивалось», но и попадало под влияние староверческого менталитета, который господствовал в трудовых коллективах крупных предприятий. В некотором роде можно было бы сравнить воздвигаемые индустриальные гиганты с монастырями: одновременно они были и храмами новой религии, и колониями аскетов, совершенно новой породы людей [55. С. 140].

Среди событий, оказавших особое воздействие на рабочих, следует выделить смерть Ленина. Быстро выяснилось, что в пролетарской среде широко распространен такой взгляд: чтобы смерть вождя не была напрасной, необходимо продолжить его дело, а значит — усилить партийные ряды. Популярность получила идея «частично заменить собой умершего вождя». Подобные высказывания встречаются как в воспоминаниях, так и в заявлениях о вступлении в партию тех дней [59. С. 96]. Если учесть, из каких народных слоев вышли русские рабочие, это совсем не кажется удивительным. Трудно сказать, как эти мотивы интерпретировал Зиновьев; во всяком случае, во всех своих публичных выступлениях он требовал снять любые преграды для вступления рабочих в РКП(б) [49]. План Ленинского призыва предусматривал пополнение партии 100 тыс. пролетариев. За дело взялись с огромным энтузиазмом, и уже в начале апреля 1924 г. Молотов рапортовал: намеченная цифра не отражает положение дел, нужно говорить о 200 тыс. рабочих с производства, вливающих в большевистские ряды [52].

Подобные темпы были возможны лишь за счет значительного снижения требований к кандидатам. Собственно, это и предполагалось постановлением пленума ЦК от 29—31 января 1924 г., разрешившим рассматривать заявления о приеме в партию рабочих по упрощенной процедуре, без соответствующих рекомендаций и прохождения кандидатского стажа. Достаточным признавалось предварительное обсуждение на общем партийном собрании [46. С. 184—185]. Такая практика, конечно, не могла не смущать, и Молотов вынужден был специально разъяснять, что принимаются вовсе не случайные люди, а те, кто «был близок партии за последнее время, кто посещал ячейковые партийные собрания, регулярно участвовал в жизни фабрично-заводских организа-

ций... это не пассивный элемент, который знает, за что борется партия» [52]. Наполнение партии рабочими сопровождалось введением ограничений по отношению к непролетарским элементам; на время Ленинского призыва вообще был объявлен мораторий на их вступление [40]. Кроме того, Центральная контрольная комиссия решила внести лепту в оздоровление имеющейся партийной массы: она постановила выявить и исключить 50 тыс. «примазавшихся». Глава ЦКК В. В. Куйбышев комментировал: «Дорогу в партию пролетариату, и вон из партии тех, кто эту партию загрязнял, затемнял, нарушал ее единство, проникался мелкобуржуазными влияниями» [19. С. 68].

В результате Ленинского призыва в РКП(б) влилось более 200 тыс. новых членов, и ее состав радикально изменился. На XIII съезде об этом сказал Молотов: прежде партия «жила в значительной мере теми силами, которые она получила из пролетариата до революции. Теперь же мы собрали в партийных организациях тысячи и сотни тысяч новых рабочих, прошедших школу гражданской войны и школу почти семилетней пролетарской революции» [20. С. 524]. За счет поступления новых коммунистов местные парторганизации продемонстрировали серьезный рост. Так, в Иваново-Вознесенской насчитывалось 3 тыс. рабочих, и это число с 1920—1921 гг. (т. е. со времени «рабочей оппозиции») оставалось неизменным; теперь же организация увеличилась до 8 тыс. [52]. В Туле с начала 1920-х гг. количество коммунистов удвоилось [49] и т. д. Заметим, что с этих пор партия уже в реальности, а не в лозунгах (как было раньше), стала пролетарской. Крестьян же в ней было совсем мало: в московской организации их оказалось 0,5%, а в Донбасской — 1,4% [21. С. 23].

Новое пополнение было объединено в огромное количество партийных ячеек. ЦК уделял им повышенное внимание, стараясь координировать их деятельность в русле единой политики. Эти разветвленные низовые структуры мыслились точками партийного влияния на массы: с их помощью вербовались новые кадры [45]. С другой стороны, ячейки стали «кирпичиками» в строящейся системе политического просвещения; собственно, ее становление и происходит в ходе Ленинского призыва. Для этого специально была учреждена комиссия по политическому воспитанию новых членов [62. С. 137]. За год было охвачено свыше 250 тыс. коммунистов, постигавших политические азы в 8,5 тыс. школ [21. С. 15]. Лидеры партии, борясь за влияние на новую поросль, выступили с брошюрами, которые активно использовались в системе партпросвещения.

Троцкий подготовил труд под названием «Уроки Октября», где рассказывал о своей огромной роли в борьбе большевиков за власть. Не отставал и Зиновьев: его «История РКП(б)» бесплатно распространялась среди новых партийцев. Сталин презентовал «Основы ленинизма». Эта работа сильно отличалась от работ двух его основных соперников в борьбе за ленинское наследие. Троцкий и Зиновьев на основе конкретных исторических событий рассказывали о ситуациях и людях, о которых молодые коммунисты имели весьма смутное представление. Сталин же пошел по другому пути: он дал простой набор ленинских цитат, вполне понятных для людей, не отягощенных образованием и интеллектом. И достиг

цели: «Основы ленинизма» стали пользоваться большой популярностью [70. С. 295—296]. (Надо заметить, что сам Сталин скептически относился к подобному творчеству: «...книжкой руководителей не создашь; книжка помогает двигаться вперед, но сама руководителя не создает» [26. С. 61].)

Ленинский призыв весны 1924 г. получил еще более мощное продолжение. Запевалой опять выступил Зиновьев. Его не устраивало, что рабочие от станка составляют в партии всего около трети; он провозглашал новую программу-минимум на ближайшие два года: 75% всех партийцев обязаны составить рабочие, причем не менее половины из них — непосредственно на производстве. А за следующие три-четыре года следовало довести общую численность РКП(б) до миллиона в такой пропорции: 900 тыс. рабочие от станка и 100 тыс. — все остальные [32]. Очевидно, что после кончины Ленина Зиновьев с удовольствием примерял роль нового лидера партии, перехватывая инициативу у Троцкого. По всей видимости, лидер Коминтерна был искренне убежден в преданности рабочего класса лично ему. (Знавшие его люди замечали, как жадно он читал публикации, подготовленные, а точнее — сфабрикованные для него подчиненными из «Ленинградской правды» [51. С. 257].) В зиновьевском активе числилось также усмирение «рабочей оппозиции» в Петрограде — его партийной вотчине. Все это могло дать ему уверенность в том, что он легко займет место главного рабочего вожака на всероссийском уровне.

Кроме того, мы убеждены, что само понимание пролетариата оставалось у Зиновьева сугубо марксистским. Чтобы подтвердить это, вспомним зарисовку дореволюционной поры, оставленную М. М. Пришвиным. В автобиографическом романе «Кощеева цепь» он красочно описал, как германские рабочие, сидя за столами с пивом, слушали уважаемых адвокатов, разъяснявших им, почему устраивать забастовку в данный момент экономически невыгодно. Как заметил пораженный Пришвин, это совсем не напоминало решительный штурм буржуазного мира [47]. А ведь именно такой пролетариат и созерцал Зиновьев, пребывая долгие годы в европейской эмиграции. Однако образ русского рабочего той поры заметно отличался от западноевропейского и, разумеется, не в сторону большего прагматизма, тогда как Зиновьев, оказавшись на властном олимпе, исходил из своего жизненного опыта.

Правда, после подавления бунта «рабочей оппозиции» в его речах, неизменно посвященных широкому привлечению пролетариата в партию, стали проскальзывать любопытные нотки. Так, на XIII конференции РКП(б) Зиновьев заявил, что такие, как он, являются истинными партийными староверами [22. С. 160]. А на судьбоносном для него XIV партсъезде вдруг решил предстать в образе начетчика — знатока ленинских произведений, которые в обилии цитировал; причем именовал себя «рабом божьим Зиновьевым» [23. С. 102, 105]. Если это были попытки подстроиться под определенную ментальность, то желаемой цели они явно не достигли. В глазах большинства пролетариев интеллигент Зиновьев мало чем отличался от того же Троцкого.

Конечно, ветераны социал-демократического движения рассчитывали на свое интеллектуальное превосходство, которое поможет настро-

ить малообразованное пополнение на нужную идейную волну. Но события показали, что рабочие, на которых ставили вожди партии, и прежде всего Зиновьев, совсем не намеревались, вступая в партию, следовать их наставлениям и расставаться со своими жизненными установками. И потому в РКП(б) оказались кадры, не вкусившие социал-демократических истин, насквозь пропитанные неприязнью к интеллигенции, включая партийную, и преисполненные не духом интернациональной солидарности (о котором имели весьма слабое представление), а сознанием национальной исключительности. Н. К. Крупская, соприкоснувшись с представителями нового партийного пополнения, подметила, что те «отождествляют интеллигентов с крупными помещиками и с буржуазией»; ненависть к интеллигентам очень сильна, ничего подобного не встретишь за границей, заключала она [44. С. 204].

Национализация марксизма

В 1920-е гг. главной целью партии считалась мировая революция. Именно на ее приближение (а точнее, разогрев) направлялись силы молодого советского государства. Россия же как отдельная страна интересовала большевистскую элиту преимущественно в качестве плацдарма для более масштабных революционных дел. Более того, Россия, где большевики волею судеб оказались у власти, вызывала у партийного истеблишмента той поры стойкое неприятие; прежде всего это касалось ее прошлого — по их убеждению, отсталого и дикого. Большевистские идеологи шли еще дальше, ставя под сомнение употребление самого слова «русский». В частности, это не уставал повторять главный партийный историк М. Н. Покровский, предрекавший полное забвение терминов «русский» и «великорусский», от которых, по его мнению, веяло контрреволюционностью.

Однако после масштабных кампаний по привлечению рабочих кадров в партийные ряды ситуация стала меняться. Выяснилось, что молодое пролетарское пополнение без энтузиазма воспринимает проповедь о мировой революции и совсем не склонно в массовом порядке жертвовать чем-либо ради светлого всемирного завтра. «Основы марксизма, на которых с таким талмудическим начетничеством настаивали пропагандисты, с трудом влезали в голову пролетария» [55. С. 47].

Ленинская гвардия, неумоимо носившаяся с марксистскими предначертаниями, вызывала у коммунистов из народа неоднозначную реакцию. Вместо малопонятных произведений Макса и Энгельса они гораздо больше интересовались своей страной, ее прошлым. Так, музыкальная часть торжественного вечера в честь 35-летия Московской партийной организации началась с исполнения отрывка из «Слова о полку Игореве», что повергло в шок старых большевиков [24. С. 64]. Новая формирующаяся в недрах ВКП(б) атмосфера превращалась в действенный инструмент внутрипартийной борьбы и стала важным фактором очищения Политбюро от лидеров еврейской национальности (Троцкого, Зиновьева, Каменева), а также их сторонников на различных этажах власти.

Наиболее чутко эту тенденцию уловил и использовал И. В. Сталин: с середины 1920-х гг. он уже определенно соотносил свои политические планы с новым партийным трендом. Понимая, что влившемуся пополнению чужды идеологические установки о приоритете мировой революции и борьбы с «великорусским шовинизмом», Сталин начал эксплуатировать национальные мотивы. Из типичного русофоба образца XII съезда РКП(б) (тогда, в 1923 г., он мало отличался от своих соратников) Генеральный секретарь постепенно превратился в горячего поклонника всего русского.

Впервые публично о своих новых предпочтениях вождь заявил на рубеже десятилетий. Широкий общественный резонанс получил эпизод с поэтом Демьяном Бедным. Этот колоритный персонаж после победы революции усердно упражнялся в дискредитации России и всего, что с ней связано. Очередную порцию насмешек он выдал в стихотворных фельетонах осенью 1930 г.: «Слезай с печки», «Перерва», «Без пощады» [1; 2; 3]. Как обычно, их поместил на своих страницах главный пропагандистский рупор — газета «Правда». Д. Бедный писал о лени, «наследии всей дооктябрьской культуры» и исконной черте россиян, у которых в чести только сладкий храп и «похвальба пустозвонная». Удел России, по мнению фельетониста, — «тащиться в хвосте у Америк и Европ», и дело социализма будет провалено, если полностью не переделать ее «гнилой, рабской, наследственно-дряблой природы». Особенно зло он высмеивал патриотизм прошлых времен: у Кремля «кочевряжится» Пожарский, Минин стоит раскорякой; а ведь эти народные герои, восклицает Бедный, — банальные взяточники, казнокрады. Поэт рекомендовал обратиться к историку Покровскому, чтобы узнать правду об этих героях, чей памятник следует поскорее убрать с Красной площади.

К удивлению многих, эта публикация вызвала гнев Сталина, что вылилось в специальное постановление ЦК ВКП(б) [69. С. 471—609]. О неожиданности такого поворота свидетельствует тот факт, что недоуменный Д. Бедный обратился за разъяснением к самому генсеку. И тот хладнокровно разъяснил ему свою позицию: позорить на весь мир Россию недостойно истинного пролетарского поэта, поскольку это бросает тень на рабочих, которые, совершив Октябрьскую революцию, не перестали быть русскими. Стихи Д. Бедного — «это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата» [53. С. 25].

Стержнем сталинской политики стала не просто пропаганда «дружбы народов», а провозглашение патриотизма красугольным камнем новой идеологической доктрины. Уже в 1934 г. в передовицах «Правды» декларировалось, что для советских людей «нет ничего дороже в жизни, чем своя родная страна, освобожденная от ига помещиков и капиталистов», а наша земля — родная мать, «своими соками вскармливающая прекрасные всходы новой счастливой жизни» [30]. Еще не привыкшая к таким заявлениям эмигрантская пресса испытала шок. Меншевистский «Социалистический вестник» кричал о полном перерождении большевиков, предавших марксистское учение. Группировавшиеся вокруг издания деятели считали невозможным реабилитацию слова «родина»: они

напоминали, что это слово было знаменем белогвардейщины, и предостерегали об опасности окончательной смерти революции [31. С. 1–2].

Очень скоро «Правда» превратилась в конвейер по производству патриотических установок: «Любить свою великую, свободную Родину значит знать ее, интересоваться ее прошлым, гордиться ее светлыми, героическими страницами и ненавидеть ее угнетателей, мучителей» [33]. Или: беззаветная сознательная любовь к родине подразумевает, что «надо хорошо знать ее сегодня и вчера, ее замечательную историю» [39]. Подобная риторика настоятельно требовала коренной переоценки отечественного прошлого. Теперь говорить в негативных тонах о русской истории стало небезопасно.

Новации, основанные на патриотизме, закреплялись в учебниках по истории для вузов и средних школ. Напомним, что после революции история как дисциплина входила в курс обществоведения и использовалась лишь для объяснения современных событий. С 1923 г. она вообще исчезла из учебных планов. И лишь в 1933 г. в Наркомпросе состоялось совещание по вводу учебников; комиссию по их подготовке возглавил заместитель директора Института истории при Коммунистической академии Н. Н. Ванаг. Как он заявил на этом совещании, «нам нужен большевистский Иловайский» [58. С. 103]. Сталин, Жданов, Киров сформулировали свои пожелания относительно содержания будущих учебников: уход от космополитических подходов и социологических схем, насыщение текстов конкретным материалом для трансляции патриотических идей уже в социалистической упаковке [34. С. 8–17].

Партийное руководство с самого начала высказывало недовольство недостаточно активным воплощением в жизнь этой директивы. Так, 20 марта 1934 г. на заседании Политбюро с участием приглашенных ученых Сталин заявил, что первые представленные тексты никуда не годятся. Он был недоволен наследием покойного Покровского, подчеркивал роль русской нации, как в прошлом, так и сегодня собирающей другие народы [64. С. 56–57]. Иначе говоря, требовалась реабилитация русского патриотизма, русской истории. Наблюдатели той поры так характеризовали этот процесс: «Один за другим князья, цари, полководцы — строители государства Российского — поднимаются из мусорной кучи, в которую их сбросила революция, возводятся на старый карамзинский пьедестал... Экспансия государства и строительство самодержавия становятся в центр изучения как факты положительные» [56. С. 142–143].

Внедрение патриотизма, восхваление российского прошлого вело к логическому завершению новой идеологической архитектуры. Русский народ провозглашался самым передовым. «Правда» неустанно писала о бескорыстной помощи, которую оказывает Россия братским народам страны: «Всею силой своего могущества РСФСР содействует бурному росту других советских республик... все нации, освобожденные от капиталистического рабства, питают чувства глубочайшей любви и крепчайшей дружбы к русским братьям... Русская культура обогащает культуру других народов. Русский язык стал языком революции. На русском языке писал Ленин, на русском языке пишет Сталин. Русская культура стала интернациональной, ибо она самая передовая, самая человеческая, самая

гуманная» [37]. Иначе говоря, русский народ объявлялся «старшим среди равных» [50]; им гордятся, как гордятся своим старшим братом [17. С. 6]. Именно русские подняли знамя освобождения, совершили Октябрьскую революцию и указали другим народам царской России путь к светлой и радостной жизни [38].

То, как в новой доктрине уживались интернационалистические ноты и патриотические мотивы, можно продемонстрировать на примере восприятия в Советской России/СССР наследия А. С. Пушкина. Реабилитация и признание поэта величайшим русским литератором произошли в начале 1930-х гг.; до этого он считался «типичной буржуйской обслугой» [16]. К 1937 г. — столетию со дня гибели поэта — в стране уже процветал его культ. Теперь его именовали подлинным сыном русской земли, чье творчество связано с ней тысячами неразрывных нитей. При этом неизменно подчеркивалось, что Пушкин настолько велик, что его произведения близки всем народам, прежде даже не слышавшим его имени. И хотя он принадлежит русской нации, его гений интернационален. Русские всем предоставляют возможность наслаждаться бессмертными пушкинскими творениями [43]. И так же, как с Пушкиным, обстоит дело с русским народом: взойдя на высоты революции, он готов делиться ее плодами со всеми, кто готов к ним приобщиться.

Так возникало совершенно новое издание марксизма, где канон о приоритете мировой революции был отодвинут на задний план, уступив место идеологическому концепту «русский народ — старший брат»; именно он прокладывает путь в светлое завтра, а не питает надежду на мировую революцию в более подходящих для этого странах. Ни один народ мира не может встать вровень с великим и передовым русским народом, который обладает к тому же бесценной культурой и героическим прошлым.

Согласимся: о возведении подобных патриотических воззрений в ранг государственной политики в свое время не могли мечтать и такие апологеты патриотизма, как М. Н. Катков и К. П. Победоносцев. При самодержавном строе никто не позволил бы им развернуться во всю патриотическую удаль. А при Сталине, в условиях господства космополитического марксизма, мощно спрессованная патриотическая доктрина стала явью. Как метко замечено, большевистская партия, по сути, создала «деформированного близнеца» того государства, против которого боролась [4. С. 17]. Понятно, что ленинская элита не могла существовать в идеологической атмосфере, «когда отрывки из коммунистического манифеста подаются в одной крошке со славянофильством черносотенной окраски» [56. С. 144]. Зато новые партийцы, ничем не связанные с интернациональным движением, с готовностью приняли государственную патриотическую доктрину. А ее создатель стал их подлинным кумиром.

Здесь следует остановиться на одном любопытном эпизоде. В то время, когда выстраивался концепт «русский народ как старший брат», Н. И. Бухарин попытался наполнить его иным содержанием. Напомним, до своей опалы в конце 1920-х он считался главным марксистским теоретиком партии. В феврале 1934 г., после назначения ответственным

редактором газеты «Известия» [61. С. 217—223], Бухарин решил внести лепту в формирование новой идеологии. Однако его идеи уже устарели, хотя он всячески пытался соответствовать требованиям времени (даже поучаствовал в развенчании покойного Покровского, будучи в прошлом страстным его почитателем [9]). Идеолог сосредоточился не на национальном факторе, а на советском народе, «консолидированном и по вертикали (классы), и по горизонтали (нации)» [7]. Именно так он представлял СССР, где все будут «объединены в едином организованном обществе коммунизма» [6]. Иными словами, национальные черты здесь не учитывались. Таким образом, русский народ (в сталинской интерпретации — путеводитель, первый среди равных) по бухаринской схеме просто растворялся в единой целостной общности.

Бывший главный партийный теоретик всегда был склонен к русофобии, что проявилось и теперь. В одной из своих статей в «Известиях» он называет русских «наследниками проклятой обломовщины», «азиатщиной», «рассейской растяпой» [8]. По его мнению, было бы большим благом, если на месте этой малосознательной аморфной массы, вызывающей лишь презрительное недоумение, возникнет новая здоровая общность — единый советский народ. Такая общность, уверял Бухарин, уже вырастает: следовательно, правильно говорить не о каком-то «старшем брате», а о самом передовом и мощном «советском народе». Эти соображения вызвали резкую отповедь Сталина, и очередное бухаринское покаяние («неволью ввел в заблуждение... выражаю глубокое сожаление») на сей раз не спасло [10]. Вскоре «Правда» поместила специальный материал о его «вредной и реакционной болтовне»: «Вряд ли Бухарин сумеет объяснить с точки зрения своей концепции, как это “нация Обломовых” могла исторически развиваться в рамках огромного государства, занявшего $\frac{1}{6}$ часть земной суши... и как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли» [42]. Заканчивалась статья напоминанием о том, с какой любовью говорил о русском народе Ленин; любовь к народу — одна из главных заповедей большевизма, вошедших в жизнь и быт масс [42]. (Забегая вперед, скажем, что идея Бухарина пережила сталинские идеологические новации: в 1970—1980-х гг. позднесоветская пропаганда вновь выдвинула в качестве центрального понятие «единого советского народа».)

Как же сталинский «патриотизм» уживался с марксизмом, от которого вождь не собирался отказываться? Негативное отношение основоположников ко всему, что связано с Россией, для знающей публики не было секретом. Большевистская элита, преклонявшаяся перед Марксом и Энгельсом, не обращала внимания на их нелюбимые антирусские выпады: это казалось мелочью на фоне грандиозных планов построения коммунизма. Сталин тоже игнорировал пренебрежительное отношение основателей великого учения к России, однако со временем стал высказываться в том смысле, что «классики» не обладали достаточными знаниями о русской истории и культуре. На откровенный разрыв с «самым научным учением в мире» он идти не собирался, чтобы играть роль преемника «великих умов», чьи имена «сплелись в единый венок» с его именем [28]. Наоборот, официальная пропаганда подчеркивала,

насколько серьезно относились Маркс и Энгельс к России. С каким громадным интересом зачитывались они «Словом о полку Игореве» [5] и даже как настойчиво изучали русский язык, чтобы в подлиннике ознакомиться с произведениями русской мысли [15].

Идеологическое переформатирование большевизма — весьма интересная и значимая страница советской истории. Однако сегодня мы сталкиваемся с откровенным ее игнорированием, что связано не с научными, а, прежде всего, с политическими причинами. Разные круги явно не заинтересованы в подлинном освещении того, каким образом рождалась патриотическая доктрина в СССР. Некоторым группам и отдельным личностям выгодно изображать советскую историю и после середины 1930-х гг. как продолжающееся безраздельное господство все тех же инородческих сил, нацеленных на разорение России. Особенно неприемлемым для эксплуатирующих образ истинных патриотов является тот факт, что ярко выраженный патриотический поворот происходил абсолютно вне церкви. Это-то и дает повод современным приверженцам русского патриотизма продолжать рассуждать об антинародной, инородческой сущности большевизма, старательно не замечая, как под прежней вывеской пестовалась этнически русская партия с соответствующей русской идеологией.

Современные приверженцы русского патриотизма продолжают рассуждать об антинародной, инородческой сущности большевизма, старательно не замечая, как под прежней вывеской пестовалась этнически русская партия с соответствующей русской идеологией.

Вдохновителями массового надругательства над церковью они традиционно считают большевистскую верхушку, объявившую тем самым войну русскому народу. Однако просмотр материалов различных крупных форумов той поры выявляет более сложную картину. Жесткие антицерковные выпады исходят от рядовых участников съездов и конференций с самыми обычными русскими фамилиями, представлявших великорусские регионы страны. Возьмем XIV Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в мае 1929 г. и обсуждавший религиозные дела. Тексты выступлений передают устойчивое неприятие церкви, которым были проникнуты делегаты.

Так, например, Строкин из Нижегородской губернии требовал «религиозную дурь выжечь каленым железом, чтобы ее действительно не было, так как она сказывается на снижении нужной нам активности масс» [11. С.10]. Он настаивал на повышенном налогообложении всех церковных зданий [11. С. 10]. Другой оратор возмущался неторопливым закрытием

церквей, которые следует приспособить для культурных нужд населения. Его возмущение вызвал тот факт, что верующие протоптали дорогу во ВЦИК к М. И. Калинину; они активно пользуются данным путем для подачи соответствующих жалоб. Поэтому нужно сделать так, чтобы все эти граждане забыли туда дорогу, и никакого поощрения им не давать [12. С. 3—4]. Делегат Никитин из Владимирской губернии не менее решительно высказался на сей счет, сославшись на опыт своего отца, выгонявшего попов из дома. И теперь для воздействия на них требуется не агитация, а «рабочая пролетарская рука..., кое-где нужно ударить покрепче по этому дурману и стегнуть его получше» [13. С. 25].

Все эти речи вызвали большую обеспокоенность председателя Совнаркома СССР А. И. Рыкова. Глава правительства попытался разъяснить, что идеологическая борьба на таком чувствительном участке, как религия, не должна подменяться палкой. Религию нужно уничтожить в головах с помощью действенных аргументов, а не кулаков [14. С. 13]. Примечательно, что примиряющее выступление Рыкова прервалось репликой из зала: «Массы выносят постановление о закрытии церквей, а вы по шесть месяцев маринуете, не рассматриваете» [14. С. 14].

Аналогичная ситуация наблюдалась и на Втором съезде безбожников в июне 1929 г. Здесь также лился поток нелицеприятных речей в адрес церкви. Например, Липатов из Нижне-Волжской области расценил надежды на мирное вытеснение попов как типичное проявление «правого уклона». Равнодушное отношение к религиозной борьбе он назвал примиренчеством с идеологическим врагом [54. С. 189]. Дурасов из Нижнего Новгорода обрушился с критикой на правительственное ведомство «Главнаука», которое под предлогом исторической ценности препятствует закрытию церквей в городе, тем самым мешая пролетариату [54. С. 143].

Но больше других преуспел молодой посланец комсомола по фамилии Бухарцев. Напомним, что в это время организацию возглавил сталинский выдвиженец А. В. Косарев, сразу взявший жесткую линию по отношению к религии. А потому представитель ЦК ВЛКСМ заявил, что Союз безбожников недооценивает остроту момента, по существу, поет «аллилуя» церкви [54. С. 151]. Налицо опасность превращения идеологической борьбы просто в культурный фактор, когда господствуют представления о религии как о некотором бытовом моменте. По мнению посланца молодежи, этим успешно занимаются и Н. И. Бухарин, и А. В. Луначарский, и Е. Ярославский. Их выступлениям место не на данном форуме, а на каком-нибудь церковном соборе. Следует немедленно прекратить «атеистическое сюсюканье», отказаться от либеральных методов и взять курс на жесткое противостояние религии [54. С. 153—154].

Это резкое выступление вызвало негодование у части делегатов, потребовавших извинений. Однако «Комсомольская правда» поместила передовицу, где полностью солидаризировалась с представителем ЦК ВЛКСМ. В результате разгоревшиеся страсти вынуждены были гасить Луначарский и Ярославский. Нарком просвещения говорил о том, что не следует увлекаться административными актами, прямыми ударами, дабы не оскорблять верующих и не давать козыри в руки наших настоящих врагов. Вместо этого нужна кропотливая просветительская работа:

только она даст плоды. Если кто-то этого не понимает, то прежде всего по недостатку опыта [54. С. 161]. Ярославский упорно взывал к авторитету В. И. Ленина, рекомендовавшего с величайшей осторожностью подходить к антирелигиозной пропаганде [54. С. 265].

Стенографические отчеты этих крупных форумов показывают, что руководители партии и правительства не только не стремились разжигать религиозные конфликты, а, наоборот, старались удержать напор тех, кто жаждал окончательно и бесповоротно «разобраться» с церковью. Волны негодования, захлестывавшие РПЦ, шли снизу. И это при том, что новые кадры руководствовались не марксистскими истинами, а национальной идентификацией, выраженной идеологемой «русское — это лучшее и передовое». Интернационалистические мотивы в их системе ценностей занимали подчиненное место, лишь подкрепляя осознание собственной исключительности. Получается, что для этих коренных русских людей из низов национальное возрождение не подразумевало РПЦ!

Иногда ловишь себя на мысли, что те, кто устранил инородцев-леваков как чуждых элементов, примерно так же относились и к церкви. Потому-то провозглашение русского народа самым передовым в мире сопровождалось жестокими репрессиями против РПЦ, превзошедшими гонения периода Гражданской войны. Очевидно, коммунисты из народа не считали ее не только своей (что естественно), но и в принципе имеющей отношение к подлинному русскому духу. Иначе говоря, мы сталкиваемся с удивительным явлением: русское национальное становление в «большевистских одеждах» выразило внецерковную традицию, подспудно существовавшую в староверческих народных слоях.

Подчеркнем: не вообще внецерковную, а именно *православную* внецерковную. И действительно: сектанты, также отвергавшие РПЦ, вряд ли могли восторгаться русским народом как самым лучшим и передовым; это кардинально противоречило их базовым религиозным установкам. Отсюда следует, что само понятие «русского» имеет более сложную природу, чем это представляется нынешним патриотам, не мыслящим жизни без РПЦ. Выяснение, в чем же именно выражается русский дух, крайне актуально, поскольку имеет огромную практическую значимость для будущего России.

Источники и литература

Источники

1. **Бедный Д.** Без пощады // Правда. 1930. 05.12.
2. **Бедный Д.** Перерва // Правда. 1930. 11.09.
3. **Бедный Д.** Слезай с печки // Правда. 1930. 07.09.
4. **Безансон А.** Русское прошлое и советское настоящее. Лондон, 1984.
5. Бессмертное творение древней русской литературы // Правда. 1938. 25.05.
6. **Бухарин Н. И.** Второе рождение человечества // Известия. 1935. 01.05.
7. **Бухарин Н. И.** Конституция социалистического государства // Известия. 1936. 14.06.

8. **Бухарин Н. И.** Наш вождь, наш учитель, наш отец // Известия. 1936. 21.01.
9. **Бухарин Н. И.** Нужна ли марксистская историческая наука (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах М. Н. Покровского) // Известия. 1936. 27.01.
10. **Бухарин Н. И.** Ответ на вопрос // Известия. 1936. 14.02.
11. Бюллетень № 1 от 10 мая 1929 года // XIV Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1929.
12. Бюллетень № 13 от 15 мая 1929 года // XIV Всероссийский съезд Советов.
13. Бюллетень № 2 от 11 мая 1929 года // XIV Всероссийский съезд Советов.
14. Бюллетень № 4 от 11 мая 1929 года // XIV Всероссийский съезд Советов.
15. Великий русский народ // Правда. 1937. 15.01.
16. **Вересаев В.** В защиту Пушкина // Правда. 1935. 20.04.
17. **Волин Б. М.** Великий русский народ. М., 1938.
18. **Ворошилов К. Е.** Рассказы о жизни. Воспоминания. М., 1971. Кн. 1.
19. Выступление В. В. Куйбышева // Всесоюзное совещание руководителей РКИ и представителей Контрольной комиссии РКП(б). Стенографический отчет. 3—4 февраля 1924 года. М., 1924.
20. Выступление В. М. Молотова // XIII съезд РКП(б). Стенографический отчет. 23—31 января 1924 года. М., 1924.
21. Выступление В. М. Молотова // XIV конференция РКП(б). Стенографический отчет. 27—30 апреля 1925 года. М., 1925.
22. Выступление Г. Е. Зиновьева // XIII конференция РКП(б). Бюллетень № 4 от 18 января 1924 года. М., 1924.
23. Выступление Г. Е. Зиновьева // XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 18—31 декабря 1925 года.
24. Выступление Е. Ярославского // Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников. Июнь 1929 года. М., 1930.
25. Выступление Жолдака // XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. 18—31 марта 1925 года. М.; Л., 1926.
26. Выступление И. В. Сталина // XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. 17—25 апреля 1923 года. М., 1923.
27. **Гладков Ф.** Встречи с М. И. Калининым // Михаил Иванович Калинин. Избранные речи и статьи. Воспоминания. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1970.
28. Дело Маркса бессмертно! // Правда. 1938. 08.05.
29. **Денисовский Н.** Незабываемые встречи // Михаил Иванович Калинин. Избранные речи и статьи. Воспоминания.
30. За Родину! // Правда. 1936. 09.06.
31. За родину! // Социалистический вестник. 1934. № 12 (25 июня).
32. **Зиновьев Г. Е.** Новый Ленинский призыв и новая глава в жизни нашей партии // Правда. 1924. 17.02.
33. Знать и любить историю своей Родины // Правда. 1936. 07.03.
34. К изучению истории: сборник документов. М., 1946.
35. **Калинина П. И.** Путь в революцию (из воспоминаний сестры М. И. Калинина) // Михаил Иванович Калинин. Избранные речи и статьи. Воспоминания.
36. **Каутский К.** Американский и русский рабочий. Киев, 1906.
37. Конституция героического народа (передовая) // Правда. 1937. 16.05.
38. **Леонидов Н.** Торжество ленинско-сталинской национальной политики // Правда. 1937. 15.11.

39. Любить свою Родину, знать ее историю // Правда. 1936. 22.05.
40. **Молотов В. М.** Ленинский призыв // Правда. 1924. 10.05.
41. «О порядке снабжения новых заводов рабочей силой». Постановление НКТ СССР и ВСНХ СССР от 21 июня 1930 года // Сборник действующего законодательства и ведомственных распоряжений по подготовке рабочих кадров и снабжении ими народного хозяйства. М., 1931.
42. Об одной гнилой концепции // Правда. 1936. 10.02.
43. **Осипов Д.** Достоевскому ответила жизнь // Правда. 1937. 10.02.
44. Письмо Н. К. Крупской К. Цеткин. 3 июля 1925 года // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2.
45. Письмо ЦК об очередных задачах работы производственных партийных ячеек // Правда. 1924. 14.10.
46. Постановление пленума ЦК РКП(б) «О приеме рабочих от станка в партию». 29—31 января 1924 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1984.
47. **Пришвин М. М.** Кашеева цепь // **Пришвин М. М.** Собрание сочинений : в 8 т. М., 1982—1986. Т. 2.
48. Речь Г. Е. Зиновьева на заседании коммунистической фракции II съезда Советов СССР // Правда. 1924. 05.02.
49. РСФСР (передовая) // Правда. 1938. 14.02.
50. **Серж В.** От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М., 2001.
51. Сопещение в ЦК РКП(б) // Правда. 1924. 09.04.
52. **Сталин И. В.** Письмо к Д. Бедному // **Сталин И. В.** Сочинения. Т. 13. М., 1951.
53. Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников. М., 1930.
54. **Федотов Г. П.** Есть и будет. Париж, 1932.
55. **Федотов Г.** Россия и свобода : сборник статей. Нью-Йорк, 1981.
56. **Эренбург И.** День второй // **Эренбург И.** Собрание сочинений : в 9 т. М., 1964. Т. 3.

Литература

57. **Артизов А. Н.** Николай Николаевич Ванга (1899—1937) // Отечественная история. 1992. № 6.
58. **Васютин В.** Ленинский призыв // Молодой коммунист. 1964. № 1.
59. **Вахмистров А. В.** О революционной деятельности М. И. Калинина в дооктябрьский период // Ученые записки Калининского педагогического института им. М. И. Калинина. Т. 27. Калинин, 1958.
60. **Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.** Русский народ в национальной политике XX века. М., 1998.
61. **Вяткин А. Я.** Разгром коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп. Л., 1966.
62. **Дудочкин П.** Тверские тетрадки // Байкал. 1987. № 3.
63. **Левин А.** Без права на мысль. Историк в эпоху «Большого террора». Казань, 1994.
64. **Наумов В. П.** Александр Гаврилович Шляпников. М., 1991.
65. **Носач В. И.** Профсоюзы России: драматические уроки. 1917—1921 годы. СПб., 2001.
66. Рабочий класс Советской России в первые годы диктатуры пролетариата : сборник документов и материалов. М., 1964.
67. **Расков Д. Е.** Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012.
68. **Санду Т. А.** «Рабочая оппозиция» в РКП(б) 1919—1923 годов : дисс. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Тюмень, 2006.
69. **Сарнов Б.** Сталин и писатели. М., 2009. Кн. 1.
70. **Такер Р.** Сталин. Путь к власти. 1879—1929. М., 1991. ◆